

*Памяти Арсения Рогинского
(1946–2017)*

Введение

Три защиты одной диссертации

Статистический анализ нескольких тысяч биографий русских революционеров впервые предпринят и в какой-то части опубликован мной в 1970-е гг¹. Полные данные — в тексте диссертации «Эволюция численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения на дворянском и разночинском этапах». У этой диссертации три одинаковых автореферата, отличающихся только годом и местом издания.

В 1980 г. диссертация должна была быть представлена на защиту в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского, в 1983 г. в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова, и была защищена, наконец, через четыре года, в 1987 г., в том же университете (ЛГУ). История злоключений диссертации имеет прямое отношение к теме работы — освободительному движению. Только не времен русских императоров, а периода Л. И. Брежнева и Ю. А. Андропова.

Интерес к революционному движению у меня, что называется, в крови. Мой прадед, городской врач в Могилеве, был кадетом, побывал в ссылке. Дед, Соломон Яковлевич, знаменитый историк античности, состоял в ЦК партии народных социалистов. Отец, Яков Соломонович, специалист по истории Древней Руси, был ближе к меньшевикам-интернационалистам, готовым при определенных условиях пойти на союз с большевиками в октябре 1917 г. В 1940 г. со своими сверстниками — Глебом Скобельциным

---

¹ *Лурье Л. Я.* Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России (декабристы и революционеры народники) // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 61–84.

и Юрием Поляковым — он развешивал в Ленинграде листовки против советско-финской войны. И дед, и отец хорошо помнили страшные ночи 1937 г., но их арест миновал. Большинство друзей отца сидели при Сталине: Марк Ботвинник, Лев Поляк, Илья Серман, Руфь Зернова, Иосиф Амусин, Юрий Домбровский. Так что воспитан я был в своеобразном антисоветском марксизме.

Мой «бой отца с сыном» заключался не в идеологических конфликтах, а скорее, в другой поэтике поведения (обычно подростково-глупой) и интересе не к идеологии, а скорее, к истории обыкновенной. Мировоззрение Якова Соломоновича (он был ортодоксальный марксист-мартовец) я разделял. С детства наш государственный строй представлялся мне классовым. Номенклатура правила, все остальные были государственными крепостными. Особенное впечатление произвела на меня одна из первых прочитанных «тамиздатских» книг — «Новый класс» Милована Джиласа. Под ее влиянием мы с моим старшим товарищем Николаем Беляком даже собирались писать листовку против Михаила Сулова. Этот вождь КПСС выбирался в Верховный совет от Ленинграда. Впрочем, отец разгадал и пресек наш коварный заговор.

С детства интересовался историей, больше всего — революционным движением: любимые книги «Тиль Уленшпигель», «Повесть о двух городах», «Девяносто третий год», «Отверженные». Но особое значение имела маленькая повесть Бориса Бухштаба о Степняке-Кравчинском «Герой подполья», а потом и «Подпольная Россия» самого Степняка. Над рабочим столом отца висели портреты Перовской и Желябова. В семейной библиотеке хранился почти полный комплект «Былого».

В 1967 г., когда пришла пора определяться с вузом, отец убедил: историческое образование противопоказано, быть историком России в СССР невозможно, приходится почти неизбежно или лгать, или заниматься самоцензурой, а для серьезного изучения западной истории я не гожусь — надо было уже в школе выучить по крайней мере два иностранных языка. С гуманитарными склонностями надо поступать не на истфак, а в какое-то другое место, где занимаются общественными науками. Так я оказался на отделении экономической кибернетики экономического факультета ЛГУ.

Экономическая кибернетика в период развитого социализма оказалась занятием хотя порой и занимательным, но не имеющим никакого отношения к реальности. Между тем я все больше увлеклся историей, проводил большую часть времени не на лекциях и семинарах, а в университетской библиотеке Горького. К тому же в 1968 г. появился роман Юрия Давыдова «Глухая пора листопада» — поздняя «Народная воля», провокатор Сергей Дегаев, его разоблачение Германом Лопатиным и убийство куратора Дегаева жандармского подполковника Георгия Судейкина. Ну и «1905 год» Бориса Пастернака — «а сентябрьская ночь задыхается тайною клада, и Степану Халтурину спать не дает динамит».

Конец 1960-х гг. — время окончания второй, короткой пост-хрущевской оттепели. Слом времени. «Осевое время» — по Карлу Ясперсу. Условно говоря, мы — семидесятники, родившиеся до войны, и наши старшие братья — шестидесятники, рожденные в 1930-е, оказались в принципиально разных ситуациях.

Они, «поколение XX съезда», — голодали в блокаду или в эвакуации, их отцы сидели в лагерях, сражались на фронте, погибали; они учились в отдельных школах, когда, казалось, суровое время борьбы с космополитизмом будет продолжаться вечно. И вот, закаленные последними годами сталинщины, эти юноши и девушки оказались в атмосфере оттепели. «Осевое время» после смерти Сталина отделило их детство и юность: они выросли в холоде и вышли в оттепель с ее возможностями ранней социализации. К моменту начала новых заморозков (куда менее суровых) шестидесятники профессионально состоялись, что само по себе защищало, и имели опыт выживания при деспотии.

Мое поколение — бэби-бумеры, родившиеся в 1940-е — первой половине 1950-х (в Ленинграде, условно говоря, от появившегося на свет в 1944 г. Виктора Кривулина до Бориса Гребенщикова 1953 г. рождения), прошло первую часть жизни зеркально старшим братьям. В детстве — оттепель, надежды на быструю славу, книги, научные открытия, творческие триумфы. И неожиданное похолодание, длившееся 20 лет.

Важным трендом конца 1960-х становится рост государственного антисемитизма. В 1967 г. я поступал на экономический факультет ЛГУ. В паспорте стояло «еврей». Отец пошел к своему

однокурснику Николаю Моисеенко, парторгу факультета. Тот сказал: «В этом году нам разрешили принять одного еврея, ладно, Яша, пусть это будет твой сын». Ни один из евреев — одноклассников по 30-й физико-математической школе — не поступил ни на матемех, ни на физфак университета.

Видимое различие между моими сверстниками и их старшими братьями ощущалось уже в конце 1960-х. Наверное, поэтому меня заинтересовал такой биографический фактор, как «год рождения». Насколько он определяет биографию? Для ответа на этот вопрос нужен был некий массовый источник, охватывающий сотни биографий людей, занимавшихся одним и тем же типом деятельности в разные исторические эпохи.

В университетской библиотеке наткнулся на знаменитый пятитомный биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России» и стал анализировать социально-демографическую эволюцию тех, кто противостоял царскому режиму. Помогла кое-какая математическая подготовка, полученная в знаменитой 30-й школе и на экономическом факультете, и я начал обсчитывать биографии словаря, руководствуясь, скорее, социологической методологией.

Между тем мое обучение на экономическом факультете прервалось вследствие ввода советских войск в Чехословакию. С тогдашними друзьями и однокурсниками Сергеем Чарным и Ярославом Ярославцевым мы решили каким-то образом протестовать. Смелости «выйти на площадь» не было — мы написали на асфальте Менделеевской линии «Брежнев, вон из Праги» (впрочем, краска оказалась не слишком прочной, и надпись вскоре смыло, увидели ее немногие). Поэтому договорились написать и каким-то образом размножить листовку.

Прага уже была не так актуальна, и темой стало приближающееся столетие со дня рождения В. И. Ленина. Черновик листовки писал я. Идеологически она была выдержана в рамках, которые при М. Горбачеве стали вполне приемлемыми. Идея, вдохновленная чтением Милована Джиласа и имевшихся в открытом доступе стенограмм партийных съездов 1920-х гг., заключалась в том, чтобы реабилитировать тех, кто делал Октябрьскую революцию вместе с Лениным — Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Шляпникова, Рютина.

Будучи легкомысленным олухом, в январе семидесятого года я зашел в клуб «Дерзание» Ленинградского дворца пионеров — литературный кружок, в котором когда-то занимался и где у меня было много друзей среди выпускников и преподавателей: хотел одолжить рубль на билет на баскетбольный матч «Спартак» (Ленинград) — «Висла» (Гданьск). Не помню уже, одолжил ли, но черновик листовки оставил на подоконнике перед входом в клуб.

Через несколько дней узнал: произошел скандал — бумажку нашла и прочла бдительная уборщица и отнесла директору Дворца пионеров. Попытки руководителя клуба благородного Алексея Адмиральского отбить крамольную рукопись успеха не имели, а только привели к еще большим неприятностям. Текст передали в КГБ, клуб разгромили, Адмиральского выгнали с любимой работы (вскоре он покончил с собой), а чекисты принялись искать автора звания. Я узнал, что обнаружен благодаря однокурснице и подруге Татьяне Котовой, отец которой, Герой Советского Союза за форсирование реки Нарев, руководил кафедрой экономической кибернетики.

Яков Соломонович Лурье решил обратиться за советом к лучшему другу — Марку Наумовичу Ботвиннику — «сидельцу» сталинских лагерей, античнику, ученику моего деда. Тот называл Марка Наумовича «адвокатом» за житейскую мудрость.

Марк Наумович предложил написать роман, где черновик листовки являлся бы текстом главного героя — мятущегося комсомольца, постепенно, под влиянием старших товарищей, членов КПСС, осознающего непреложную правду генеральной линии партии. Жанр — молодежная проза, роман коммунистического воспитания, из тех, что публиковал в те времена журнал «Юность». Задача показалась интересной, и я действительно написал страниц пятьдесят такого полупародийного текста.

Самым сложным экзаменом зимней сессии 1971 г. было испытание по динамическому программированию — в этом предмете я не понимал ничего. Вытянул билет, почувствовал отчаяние. Тут дверь аудитории неожиданно открылась, заглянула секретарша: «Лурье — к декану».

В коридоре ожидали два чекиста. Отправились в Куйбышевское районное отделение КГБ во дворец Белосельских-Белозерских.

Я не отрицал авторства предъявленного текста, признался: это фрагмент незаконченного литературного произведения. Отправились ко мне домой, где на глазах родителей провели «выемку» романа. Уверен, что органы мне не поверили, но, по здравому размышлению, решили уголовного дела не возбуждать. Мать, Ирина Ефимовна Ганелина, была знаменитым в городе врачом-кардиологом, и отец — известным историком.

Выгнали из комсомола, из университета; должны были забрать в армию. От действительной службы я избавился, лежа в Николаевском военном госпитале. Отработал год фрезеровщиком на заводе, а потом мне разрешили закончить вечернее отделение ЛГУ. Так что, как тогда казалось, все более или менее обошлось.

Я продолжал заниматься обчетом «деятелей революционного движения», сидя в знаменитой «Академичке» — столовой Академии наук (сейчас там находится ресторан Евгения Пригожина «Старая таможня»). Кафетерий этой столовой в то время был неформальным клубом, где проводили время прогуливающие лекции филологи, геологи, историки и экономисты.

Там, в «Академичке», в начале 1974 г. школьный приятель филолог Гаррик Левинтон представил мне неизвестного молодого человека — выпускника Тартуского университета, ученика Лотмана Арсения Рогинского. Сеня в тот момент искал адвоката для арестованного в Москве одного из издателей «Хроники текущих событий», историка-филолога Габриэля Суперфина. Мы сразу разговорились с новым знакомцем, он спросил меня, чем я занят, я ответил — «Народной Волей», вышли покурить в Таможенный переулок.

Арсений любопытствовал: знаю ли я какой-нибудь неопубликованный и не обнаруженный до сих пор, но, возможно, существующий архивный документ, эдакую «затерянную грамоту» из истории «Народной Воли». Я назвал письма Стефановича Дейчу, посланные таинственным образом подследственным из тюрьмы Трубецкого бастиона в Женеву и перехваченные руководством «Народной Воли». Содержание этих, никогда не публиковавшихся, писем вызвало страшный скандал в народнической среде начала 1880-х гг.

Через две недели Арсений нашел письма Стефановича Дейчу — они хранились в Доме Плеханова, филиале Российской национальной библиотеки.

Одна из особенностей народовольцев — они никогда не выдавали товарищей, не шли ни на какие переговоры со следствием (что сильно отличало их от декабристов, петрашевцев, сверстников Серно-Соловьевича или Нечаева). Переписка Стефановича с Дейчем — результат компромисса арестованного члена руководства «Народной Воли» с жандармами. Выдал ли кого-нибудь Стефанович сознательно — это вопрос, а вот то, что он дал Судейкину и Плевле массу полезной периферийной информации, тут сомнений нет.

«Как вести себя на допросе», психология стукачества — для начала 1970-х гг. острейшая проблема. Среди диссидентов преобладала народовольческая жесткость на следствии; предателей, раскаявшихся (откровенно или чаще мнимо) оказалось не так уж много. Но они были, и об этом шли постоянные разговоры и споры в нашей среде. Незадолго до начала нашей с Арсением работы над письмом притчей во языцех стал процесс двух правозащитников, сидельцев еще сталинского времени Петра Якира и Виктора Красина, которые раскаялись и многих сдали. Конечно, интерес к переписке Дейча и Стефановича ложился в этот контекст.

Мы начали готовить одно из писем к печати, и вскоре оно было опубликовано в «Ученых записках» кафедры русской и славянской филологии Тартуского университета.

Я занялся «Народной Волей» более или менее профессионально. Впрочем, академическая карьера в Ленинграде была вряд ли возможна, ведь и диплома историка у меня не было.

Чуть позже, в другом месте, популярном среди молодых нищих интеллектуалов, — знаменитом «Сайгоне», кафетерии на углу Владимирского и Невского, — ко мне обратился Леон Карамян, редкий для этого околотка светский человек. Он был вечный студент, но, в отличие от большинства сверстников, не слишком нуждался в деньгах: его отец был член-корреспондентом одновременно Российской академии наук и Армянской и какую-то из своих зарплат, то ли московскую, то ли армянскую, отдавал сыну. Жена Леона Карамяна Татьяна приходилась дочерью академику-филологу Михаилу Алексееву. У супружеской пары, в отличие от абсолютного большинства из нас, была отдельная квартира в фешенебельном «пентагоне» на площади Мужества.

Леон попросил поехать к нему на вечеринку; будет много интересных людей, в частности — историк, профессор Саратовского университета, Владимир Владимирович Пугачев. Саратовец прительствовал с Михаилом Алексеевым, но того не было в городе. Я должен был развлечь коллегу-историка.

Спиртное из «Березки», неслыханные ветчины и сервелаты, прижизненные издания Гумилева и Ахматовой, звезды оперетты, несколько подающих надежды молодых филологов, в частности будущий академик Александр Лавров, и провинциальный профессор, рядом с которым я оказался.

Меня посадили рядом с В. В. Пугачевым — одним из моих будущих учителей. Мы проговорили весь вечер о Пушкине и декабристах, эволюции отношения Сталина к Барклаю-де-Толли, обычаях и нравах первых секретарей Саратовского обкома КПСС. В Пугачеве поражали природный аристократический демократизм (даже со школьниками на «Вы» и по имени-отчеству) и полное ощущение: между современностью и историей нету никакой принципиальной разницы. Секретари Саратовского обкома в его рассказах напоминали бюрократов времен Аустерлица и взятия Эривани Паскевичем.

По ходу дела Пугачев заинтересовался моей биографией и интересами и предложил стать соискателем на кафедре истории СССР, которой он руководил в Саратовском университете. Честно говоря, работ Пугачева до этой встречи я не читал. Зато знал почти наизусть работы его коллеги по кафедре главного в СССР специалиста по «Народной Воле» профессора Николая Троицкого. Разговор имел неожиданные последствия — все срослось, и я стал соискателем в Саратовском университете имени Н. Г. Чернышевского.

В 1979 году диссертация была написана, одобрена кафедрой, я сдал кандидатские экзамены. В том числе, как и полагается при переходе от профессии к профессии, и по русской истории, и по западной.

Вышли опубликованная в «Ученых записках Тартуского университета» наша с Рогинским публикация письма Стефановича к Дейчу и статья по теме моей диссертации в альманахе «Освободительное движение», издававшемся в Саратове.

Между тем Рогинский, с которым мы за это время стали близкими друзьями, начал создавать неподцензурный исторический альманах, некий аналог «Полярной звезды» Герцена и Огарева или

выходившего поначалу в эмиграции «Былого» Владимира Бурцева. Речь шла о том, чтобы искать архивные документы и записывать воспоминания, преимущественно, о советской истории, комментировать их в СССР подпольно, здесь же комплектовать сборники и передавать рукописи на Запад.

Подумав, я отказался войти в редакцию, мне казалось, что собрание и издание «Памяти» будет быстро прервано КГБ, а ее создатели окажутся в тюрьме. Страшила меня даже не тюрьма, а следствие. С детства (передалось от отца) самым страшным грехом в моих глазах было предательство. И боязнь не выдержать, повести себя недостойно сдерживала желание участвовать в этом подпольном предприятии. Играл роль и сам характер деятельности, предполагавший аскезу — в молодости меня тянули к себе самые разнообразные компании, и конспиратор из меня был никакой. Я был в курсе работы Арсения и его товарищей, продолжал тесно общаться с Рогинским и по мере сил помогал «Памяти», так стал называться будущий сборник. Соответственно, круг моего общения и круг общения Рогинского совпадали. Благодаря этому я общался с Натальей Горбаневской, Валерием Ронкиным, Вениамином Иоффе, Александром Добкиным, Александром Даниэлем, видел Юлия Даниэля, Ларису Богораз, Анатолия Марченко. Арсений, выгнанный с подачи КГБ из учителей вечерней школы, стал числиться литературным секретарем моего отца.

Для 1-го выпуска «Памяти» мы записали с Рогинским на магнитофон и расшифровали страшные воспоминания старой меньшевички М. Штейнберг «Этап в войну», в Грузии от будущего президента Звиада Гамсахурдиа я получил и передал для публикации в «Память» письмо его отца, знаменитого прозаика Константина Гамсахурдиа, Владимиру Ленину. Опубликовал материалы «Литературного фонда» о помощи арестованным в 1918 году. Мне принадлежит большая рецензия на монографию Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» (помогали Яков Лурье и Арсений Рогинский), опубликованная под псевдонимом А. Шанецкий («Шаня» — детское домашнее имя моего отца).

Общение с диссидентами и с участниками «Памяти» очень много дало мне в понимании роли поколенческого фактора в освободительном движении, безотносительно к тому, какого периода было это движение. Социально-психологически советские диссиденты,

в основном представители научно-технической интеллигенции, родившееся где-то в 1937 году, довольно сильно отличались от сверстников моих и Рогинского.

Поколение «Второй культуры», к которому я себя отношу, дети советского бэби-бума послевоенных лет, скорее готовы были заниматься некими пусть и очень опасными, но продолжительными «малыми делами»: подпольными выставками, семинарами, гуманитарными журналами, собиранием по библиотекам сведений об утраченном при советской власти. Их предшественники, шестидесятники, были людьми короткого и яркого поступка, открыто объявляли о своих убеждениях, несмотря на быстрые и неминуемые последствия. Как писали позже в своей знаменитой статье Б. Астанин и А. Кобак, сравнивая шестидесятников и семидесятников, — «молния и радуга».

Защита моей диссертации должна была состояться в феврале 1980 года. В Саратов специально приехали моя мать и Арсений Рогинский.

Заседание ученого совета открылось вовремя, в повестке дня было две диссертации: сначала докторская диссертация Б. С. Абаихина из Волгограда «Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г.». Пугачев был ее оппонентом, вечер перед защитой мы провели у Владимира Владимировича — выпивали. И Рогинский время от времени пенял профессору: «Хоть откройте диссертацию, которую будете оппонировать». А тот говорил: «Ну чего там открывать, Арсений Борисович», открывал наугад какую-нибудь страницу и цитировал: «Хлебом, солью, радостной улыбкой, веселой песней встречали украинские хлеборобы русских солдат, расквартированных ими на постой», и закрывал вышеописанный том. Тезис диссертанта сводился к тому, что Наполеон, отступая из Москвы, хотел пойти в Киев, но героические усилия Кутузова не дали ему это сделать.

Докторский диспут был острым, в начале один из присутствующих задал неожиданный вопрос: «Как оппонент относится к письмам Сталина товарищу Разину?» (знаменитый текст, в котором впервые введено выражение «контрнаступление Кутузова»). Так как слово «Сталин» в 1975 году считалось публично неприемлемым, ни в положительном, ни в отрицательном смысле, то это вызвало оживление в зале и смущение диссертанта.

Отзыв Пугачева был тоже довольно кислым, но волгоградца выручил второй оппонент, академик Украинской академии наук Федор Павлович Шевченко, который начал свое выступление так: «Значение диссертации подчеркивает хотя бы то, что 198 офицеров и генералов 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов были награждены орденами Кутузова». В общем, защитился. После этого настала моя очередь. И тут встал представитель ученого совета, декан исторического факультета, специалист по аграрной политике Столыпина, профессор Иван Ковальченко (будущий академик) и сказал, что, как выяснилось в ректорате, документы, представленные диссертантом Львом Лурье, содержат серьезные ошибки в оформлении, поэтому защиту диссертации стоит перенести на более поздний срок. Совет распускается и в этом году уже собираться не будет. Все попытки Николая Троицкого, Владимира Пугачева, моего оппонента, профессора Московского университета дружбы народов Антонова, выяснить, что же произошло, не увенчались успехом. Мы договорились с Николаем Троицким на следующий день пойти к ректору. Общаться с несчастной мамашей у меня не было никаких сил, и, проводив ее на поезд, я отправился к Пугачеву, где остановился Рогинский. Мы ждали его до ночи, он пришел сильно навеселе и рассказал такую историю. Пол-Саратова были знакомыми Пугачева, среди ближайших друзей — заведующий билетными кассами «Саратов-Главный» и директор хоккейной команды «Кристалл»-Саратов. И вот именно с ними Пугачев отправился в этот вечер в ресторан, чтобы обсудить с бывальными людьми случившуюся со мной ситуацию.

К своему неудовольствию, они обнаружили, что в одном из углов ресторанный зала проходит банкет по случаю защиты волгоградского историка. «И вот, — рассказывает Пугачев, — представляете, Лев Яковлевич, Арсений Борисович, от этого стола отделяется какой-то холуй в галстук и предлагает мне выпить с член-корреспондентом Украинской академии наук Шевченко, я ему говорю, да какой он член-корреспондент, он хрен собачий. И что же вы думаете, Арсений Борисович? Через десять минут он возвращается и как ни в чем не бывало показывает мне визитную карточку Шевченко и говорит, вот тут прямо написано — “член-корреспондент”».

Так закончилась моя саратовская эпопея, и на долгое время я оставил диссертационные хлопоты. Тем более, что точно такая же

история случилась с ученым советом, неожиданно разъехавшимся на охоту и рыбалку, с уже упомянутым мной Гарриком Левинтоном. Не помню уже почему, но в начале 1980-х гг. коллеги отца по Ленинградскому отделению Института истории, прежде всего влиятельный и либеральный Рафаил Ганелин, предложили мне попробовать выполнить диссертацию заново у них в институте, а защищать в ЛГУ. Все пошло по новой: новые кандидатские экзамены, новые замечания оппонентов, вставка новых цитат из В.И. Ленина... Другое дело, что в ходе этой работы я познакомился и подружился с замечательными историками, знавшими всю мою историю и ее подноготную: Алексеем Цамутали и Валентиным Дякиным. Они должны были стать моими оппонентами.

Диссертацию обсуждала кафедра истории ЛГУ, которую тогда возглавлял специалист по истории древней Руси и известный черносотенец И.Я. Фроянов. Это был сложный человек, и в моем случае его юдофобия отступила, видимо, из-за уважения к моему отцу, который занимался примерно той же темой, что и он. К тому же Фроянов, не выходя из советского псевдомарксистского дискурса, считался еретиком — отрицал ранний феодализм в Киевской Руси, склонялся к военной демократии, а отец письменно защищал его от грубых нападок фюрера советской медиевистики Бориса Рыбакова.

Так что и на кафедре обсуждение диссертации прошло без особых замечаний. Назначена была дата защиты. Опубликован реферат. И вдруг неожиданно меня вызвал к себе парторг университета археолог Игорь Дубов. Мы с ним сверстники, его тогдашняя жена работала вместе со мной в Музее истории города, поэтому это общение было как бы неформальным. Но он мне прямо сказал, что защита не состоится по причинам, которые мне следует искать в моей биографии, и мне нужно забыть об академической карьере. Опять было довольно неприятно, и в виде демонстрации я впервые в жизни побрился наголо.

Дальнейшие годы не предполагали улучшения моей академической ситуации: я чувствовал слезку, в 1980 году арестовали Арсения Рогинского, мой отец и Владимир Пугачев были свидетелями защиты на его процессе, обоих выгнали с работы. Так все и продолжалось до 1987 года. В январе 1987 года, вскоре после исторического пленума ЦК КПСС, провозгласившего равенство членов

партии и беспартийных при занятии номенклатурных должностей и прочие революционные новации, ко мне приехал мой старинный одесский друг Андрей Добролюбский, у которого были такие же сложности с защитой, только не кандидатской, а докторской.

У него что-то сдвинулось с этим, и он начал убеждать меня, что нужно писать письмо в ЦК, и, возможно, это может помочь, в XX съезд тоже многие не верили. После шестого стакана Добролюбский сел за печатную машинку, и мы быстро напечатали обращение в отдел науки ЦК КПСС, где описали историю моих защит как пример издевательства над простым советским человеком и грубых бюрократических ошибок на местах. Написали и забыли. Через пару недель меня попросил зайти к себе Игорь Фроянов, продолжавший оставаться деканом.

Фроянов сообщил: «Мы получили письмо из ЦК КПСС, которое велит разобраться с Вашей диссертацией. Вы прекрасно помните, что факультет был за вашу защиту, а не состоялась она по решению Комитета государственной безопасности, о чем Вы, вероятно, сами догадались. Неприятности с КГБ нам не нужны, но времена с тех пор изменились, поэтому Вы, Лев Яковлевич, должны пойти в Большой дом и спросить, не имеют ли они чего-нибудь против Вашей защиты. Если нет — вы защититесь». «Игорь Яковлевич, — говорю я, — да, конечно, они скажут, что они не имеют никакого отношения к моей защите и никакой бумажки мне не дадут». «Что же, — сказал Фроянов, — будем считать, что и устное разрешение нас удовлетворит».

Незадолго до этого из тюрьмы раньше срока вышел мой приятель, которого присудили к четырем годам за злостное хулиганство. Оно выразилось в том, что он ночью мочился на красные полотнища, оплетавшие к празднику 7 ноября фонари Марсова поля. Понятно, что это был только предлог. Мы встретились, и приятель передал мне телефон офицера Комитета государственной безопасности, по которому я могу позвонить, если сочту нужным.

Телефон принадлежал хорошо известному мне Владимиру Георгиеву, долгое время работавшему начальником Петроградского районного КГБ, он опекал меня, Виктора Кривулина, Татьяну Горичеву, посадил или довел до ареста поэта и журналиста Геннадия Трифонова. Приглашение позвонить ему передавал мне года два

до этого некий провокатор, хотевший втравить меня в какую-то незаконную хозяйственную сделку. Ну что ж, звонить так звонить.

Мы договорились встретиться, Владимир Николаевич мне ожидаемо сказал: «Вмешаться в защиту диссертации? Как это возможно? Вы читали Конституцию? Меня бы за такое заставили партийный билет на стол положить! Мы никакого отношения к вашей защите не имеем». С этой замечательной новостью я снова отправился на истфак и сообщил об услышанном профессору Фроянову. Защита состоялась в 1987 году, прошла без сучка без задоринки, весь ученый совет проголосовал «за».

Вот история этого многострадального текста, который вы, возможно, прочтете. Конечно жалко, что он появляется так поздно.

Мне кажется, в нем еще содержится информация для исследователей освободительного движения, которая до этого не входила в их обиход. В эту книгу я включил часть диссертации, относящуюся к революционному народничеству.

Статистический анализ, выполненный в 1970-е, составляет первую часть книги. Во второй части он дополнен более поздними результатами, посвященными кризису народовольчества в начале царствования Александра III. Надеюсь, мне удалось воссоздать картину формирования особой группы сверстников, вместе прошедших бакунистские кружки начала 1870-х, «большие» процессы 1877–1878 г., руководство «Землей и Волей» и «Народной Волей». Первые профессиональные революционеры России, эти люди определили правила поведения «политических» по отношению к власти: жертвенность, отказ от сотрудничества со следствием, судом и тюремной администрацией, беспрекословное подчинение воли центральной организации. Вместе с тем, отталкиваясь в своем поведении от Сергея Нечаева и его «Народной Расправы», народовольцы закономерно вернулись к опыту нечаевщины, когда их коллектив сверстников-единомышленников был уничтожен жандармами.

Надеюсь, что материалы, посвященные декабристам, революционерам периода царствования Николая I и первой половины царствования Александра II, удастся опубликовать позже, отдельно. Благодарю тех, кто помогал мне в работе, прежде всего — Алексея Вострикова, Веру Гефтер, Никиту Корбасова и Веру Гарманову.

Часть I
ПЕРЕПИСЬ НАРОДНИКОВ
Социально-демографический
состав революционеров.
1871—1886

Глава 1
**«Словарь» как источник
историко-статистического исследования**

**1. Данные о социально-демографическом составе
и численности деятелей народнического движения
в исторической литературе**

Первые попытки определить социальный генезис борцов с самодержавием появляются одновременно с возникновением освободительного движения.

Стремительный рост числа участников освободительного движения, наступивший вслед за студенческими волнениями 1868–69 гг., вынудил правительственные сферы прибегнуть к новым формам анализа социального состава русских революционеров. Было составлено несколько статистических сводов, на которых позже были основаны те своеобразные труды по истории революционного движения, что создавались чиновниками III отделения и департамента полиции и предназначались в первую очередь для правительственных сфер. Эти материалы были глубоко конфиденциальны, носили деловой характер, а потому лишены пропагандистской антинигилистической окраски; включая в себя массу ценного цифрового материала, они до сих пор представляют несомненный интерес как источники изучения эволюции социального, сословного, образовательного и возрастного состава участников освободительного движения в России.

Наиболее интересной из опубликованных правительственных записок надо признать произведение чиновника III отделения Меркулова¹. Его высоко оценил министр внутренних дел Д. А. Валуев:

---

¹ *Сидоров Н. И.* Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. Кн. 38. С. 27–57.

«Я давно не имел перед глазами такой замечательной, отчетливо исполненной и полезной работы»². Записка представляет собой комментарий к подробно разработанному и сведенному в 8 отдельных таблиц статистическому материалу о 1387 лицах, привлекавшихся к дознаниям по политическим делам с 1873 по 1877 г. Все привлеченные к дознаниям разделены Меркуловым на 4 отдельные категории: 1) те, чьи дознания окончились наказанием по суду; 2) те, кто был административно сослан; 3) оставленные под гласным надзором и 4) те, для кого привлечение к дознанию осталось без последствий. Для каждой из этих четырех групп (они включают соответственно 525, 79, 540 и 557 человек) выявлялись следующие данные: сословное происхождение, образовательный ценз и место воспитания, профессиональная принадлежность, место рождения, возраст, пол. Распределение по первым четырем из этих признаков исследовано особенно тщательно, и его результаты сведены в таблицы. Сведения о возрасте и о соотношении полов приведены во вступительной статье.

Материалы Меркулова представляют значительный интерес прежде всего тем, что они не только показывают, какова была социально-демографическая структура всей совокупности участников освободительного движения начала — середины 70-х гг. в целом, но и дают отдельные сведения о различных категориях участников освободительного движения в зависимости от их революционной активности. Это позволяет проследить насколько те или иные «анкетные» данные соотносятся с революционной активностью.

Сам Меркулов приходил к таким выводам о социальном составе революционеров: движение привлекает скорее людей малоимущих, в том числе и привилегированного происхождения. Между обучением в некоторых учебных заведениях (Медико-хирургическая академия, Технологический институт, самарские гимназия и семинария), принадлежностью к определенным профессиям (учитель, медик) и противоправительственной деятельностью существует прямая связь. Активная роль принадлежит учащейся и недочившейся молодежи³.

---

² Сидоров Н. И. Указ. соч., с. 28.

³ Там же, с. 128.

Отчет III отделения по более позднему периоду⁴, к сожалению, опубликован не полностью⁵. Он включает в себя данные о 2564 революционерах, привлеченных к дознаниям по политическим преступлениям с 1877 по 1879 г. Отчет этот содержит данные Меркулова как составную часть. Так же как и в меркуловском своде, вся масса участников освободительного движения разбита на несколько категорий, в зависимости от степени их революционной активности. Данные о возрастном составе сгруппированы в шести отдельных таблицах.

Цифры, полученные статистиками III отделения, нашли своих комментаторов как в охранительной, так и в революционной литературе.

В 1880 г. вышел анонимный «Обзор социально-революционного движения в России»⁶. Это малотиражное секретное издание принадлежало, как выяснилось, перу А. П. Мальшинского, человека, близкого к III отделению, в будущем — агенту «Священной дружины». Используя данные Меркулова и ряд статистических сведений о революционерах конца 60-х гг. и сравнивая их с сословной структурой русского общества в целом и со структурой учащейся молодежи, Мальшинский приходит примерно к тем же выводам, что и Меркулов: революционеры — в основном молодежь, учащаяся или учившаяся в высших учебных заведениях, чуждая русскому народу в целом. Выводы эти не могли не вызвать ответа со стороны народовольцев.

В двух номерах «Народной воли» Л. А. Тихомиров подробно разбирал выводы Мальшинского, пользуясь имевшимися у народовольцев данными, полученными, возможно, через Н. Б. Клеточникова, о лицах, привлекавшихся по государственным преступлениям с 1 января по 30 июня 1879 г.⁷ Цифры, приводимые Тихомировым,

---

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 741.

⁵ *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965, с. 373.

⁶ <Мальшинский А. П.> Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.

⁷ <Тихомиров Л. А.> К статистике государственных преступлений в России // Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 216–222.

Оглавление

Введение. Три защиты одной диссертации 3

Часть I

Перепись народников. Социально-демографический состав революционеров. 1871–1886

Глава 1. «Словарь» как источник историко-статистического исследования	19
1. Данные о социально-демографическом составе и численности деятелей народнического движения в исторической литературе	19
2. «Словарь» как источник историко-социологического исследования	29
3. Предлагаемая методика статистической обработки материалов «Словаря»	35
4. Особенности выборочной совокупности	41
Глава 2. Основные закономерности эволюции численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения (1814–1886)	46
1. Эволюция численности	46
2. Сословный состав	49
3. Профессиональная структура	54
4. Распределение участников движения народников по возрасту	59
5. «Мобильность кадров» русского освободительного движения	60
Глава 3. Факторы революционной активности у народников	67
1. Социально-демографическая структура лидеров	67
2. Революционные народники как сверстническая группа	75
Глава 4. Становление и особенности первых русских революционеров	77
1. Детство	77
2. Круг юношеского чтения	80
3. Школа	83
4. Те, кто не стал народниками	85
5. Студенчество рубежа 1860–1870-х	88
6. Кружки начала 1870-х: интеллектуальные секты	91
7. Отталкиваясь от нечаевцев	91
8. Семейность	95
9. Присоединяются «троглодиты»	100

10. Героический период	103
11. Кризис и гибель	104
Приложение. «Лидеры» народнического движения. 1871–1886	108

Часть II

Вокруг дегаевщины: буря и шатания

Глава 1. Яков Стефанович и его переписка со Львом Дейчем	132
1. «Золотая грамота»	135
2. Из «Черного Передела» в «Народную Волю»	143
3. «Христианское Братство»	145
4. Феофан Крылов и его воспоминания	149
5. Власти ищут посредника	156
6. О чем договаривались и о чем договорились жандармы и Стефанович?	160
7. Письмо от 12 марта 1883 г.	167
8. Письмо от 21 марта 1883 г.	224
9. Конфликт вокруг оценки личности Стефановича	237
Глава 2. Письма Стефановича и «дегаевщина»	255
1. Когда Дегаев стал предателем? Хронология	255
2. Когда Дегаев признался эмигрантам?	259
2.1. Весенняя поездка	260
2.2. Осенняя поездка	263
3. «Воспоминания» Сергея Дегаева как исторический источник	270
4. Заговор Тихомирова с Дегаевым	280
5. Была ли попытка полицейского переворота?	286
6. Утерянные источники	287
Заключение	290
Указатель имен	292